

сонный, гроб по линюлеуму пыльными заплетающимися ногами. Отказывался от скучного, пресного ужина — макароны с сосисками. Ни перца, ни вкуса, ни огня. Мама сердилась. Опять таскался неизвестно где! Отец, ну что ты молчишь? Отец поднимал глаза над «Правдой», подмигивал еле заметно. Пусть себе гуляет. В доме было две «Правды» — мама тоже была коммунист. Заведующая отделением в больнице. Для души читали «Роман-газету», «Литературку». Ему выписывали «Костер», «Вечерний Кипишев» еще ничего был. Можно в руках подержать.

А у Ваши никто ничего не читал и не выписывал. Зато у них был телевизор напрокат. Он даже не знал раньше, что такое бывает. Напрокат! Хотел спросить у матери, но она отмахнулась. Не морочь мне голову. Нормальные люди телевизоры покупают. Напрокат только голытьба берет.

Еще одно слово — голытьба.

До школы было пешком четверть часа. По сонным улицам, почти деревенским — сады, заборы, цепные псы. Они встречались на углу — Ваши выныривала из своей маталы, махала ладошкой, варежкой, шапкой. Шапка была красная, с помпоном. Варежки тоже красные. На каждой — кривая, посеревшая от трези снежинка. Обратно шли снова вместе — но уже не четверть часа, сколько угодно, болтали без умолку, забредали бог знает куда, в парки, прогулки, ча-сами торчали у автоматов с газировкой. С сиропом — три копейки, колючая, торкаяя — копейка. Самое интересное было — мыть стаканы, вливать в специальное жерло, пока не брызнет вода или взрослые не погонят. Они удирали, хохоча, держась за руки, у нее всегда были горячие руки, маленькие, горячие, твердые. Двенадцать лет. Ваши. Он просто хотел быть рядом. Всегда быть рядом. Или умереть. Больше он ничего не умел. Двенадцать лет.

Мать заметила первая — и попробовала принять меры. Он ведь был отличник, всегда. Не зубрила, просто ясная голова плюс дисциплина. Мать проверяла уроки каждый день, садилась рядом, просматривала все тетради, фиг ошибешься или надуешь — врач. Если чего-то не знала сама, дожидалась отца, он приходил поздно, вкусно скрипел ремнями.

Запах казармы, такой родной, медленно вытесняли скучные ароматы гавка. Отец делал карьеру, шел в гору, но скучал по своим гарнизонам, по пыльным плащам, бравым крикам, крепким, нацеленным на врага, шипкам ракет. Алгебра, говоришь? Сейчас мы ее митом расцелкаем. Вот сюда смотри, если это так, значит, это — непременно вот так. Хорошо объяснял, спокойно, понятно. Сам отличник боевой и политической.

Судьба.

А Ваши была троичница. И матала еще эта. Дурная компания. Там же алкашня одна. Отбросы. Ты что, хочешь, чтобы твой сын сел в четырнадцать лет, да?

Еще одно слово — алкашня.

Отец не хотел, чтобы он сел, поэтому сходил в школу, к директору, поговорил, скромно сивя колодками, чтобы приняли меры. Мальчик станет офицером или врачом. Ему нужно заниматься. Ясная голова. Судьба. Дисциплина. Вы же понимаете? Директор, крупный, львиноголовый старик, получивший первую медаль еще под Сталинградом, понимал. Матала портила ему всю отчетность. Старшего Вашиного брата он еле дотянул до восьмого класса и с огульным облегчением выкинул. Настоящий, полно-кровный дебил. Ни ума, ни сердца. Потерпите, скоро выпукные, после этого обстановка сильно изменится. Можно, конечно, перевести васшего в параллельный класс. Отец вспомнил что-то такое, далекое, не рассказанное даже жене. Воронежская область, Бобровский район. Надевка. И от-кадала. Пусть доучатся вместе.

Их просто рассадили.

Навлиталась восьмой класс, рубикон, после которого алпны, отделенные от козлиц, дошифовывали свое будущее: учебники по программе первого курса, репетиторы, тонка на аттестатах зрелости. Козлица рассеивались по ПТУ, техникумам, формировали собой будущий обслуживающий персонал. Самые слабые опускались вовсе на дно, кое-кто с шумным криминальным плеском. Элон и морлоки. Выбор представляло сделать в четырнадцать лет. Без двух лет взрослые люди.